

ИСТОРИКИ И ОППОЗИЦИЯ В ЛЕНИНГРАДЕ (1920–30-е гг.)

Баринов Дмитрий Андреевич, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия, barinovdima1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Аннотация. В 1920–30-е гг. политическая борьба в СССР в верхах была тесно связана с исторической наукой. Поиск «преступлений» перед партией, совершенных лидерами большевиков в прошлом, стал важным рычагом для получения политических дивидендов в настоящем. В этой связи истории революции уделялось особое внимание, а специалисты в этой области брали на себя большую ответственность, часто даже не осознавая этого. В историографии советской науки значительное внимание уделяется формированию канона истории большевистской партии, увенчанной Кратким курсом 1938 г. Автор продолжает исследование этой темы в другом ракурсе, ставит перед собой целью ответить на вопрос, как в условиях постепенного установления сталинского видения истории существовали его недавние оппоненты – историки-участники зиновьевской и объединенной оппозиций в 1925–1928 гг. Описывается, как они сами использовали исторические публикации в политической борьбе, а также их непосредственное участие в агитационной работе, направленной против сталинско-бухаринского курса. Важной вехой стала публикация письма Сталина в «Пролетарскую революцию», которая помимо изменения тенденций в историографии также привела к репрессиям против бывших троцкистов, работающих в области гуманитарной науки.

Ключевые слова: левая оппозиция, историческая наука, историография, Троцкий, Зиновьев, Сталин.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-011-00782А «Историческая наука Петрограда – Ленинграда (1917–1934): центры, направления исследований, коллективная биография».

Для цитирования: Баринов Д.А. Историки и оппозиция в Ленинграде (1920–30-е гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 3. С. 25–37. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>

Research Article

HISTORIANS AND OPPOSITION IN LENINGRAD (1920s – 1930s)

Dmitriy A. Barinov, Candidate of Historical Sciences, Researcher, St. Petersburg Institute of History of Russian Academy of Science, St. Petersburg, Russia, barinovdima1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3592-8557>

Abstract. In the 1920s-1930s, the political struggle in the USSR at the Politburo was closely linked with historical science. The search for “crimes” against the Communist Party that Bolshevik leaders had committed in the past became an important lever for obtaining political dividends in the contemporaneity. In this regard, the history of the Revolution was given special attention, and specialists in this field took on a great responsibility, often without even realising it. In the historiography of Soviet science, considerable attention is paid to the formation of the canon of the history of the Bolshevik Party, crowned by the Short Course of 1938. The author continues to study this topic from a different angle. The article aims to answer the question of how, under the conditions of the gradual establishment of the Stalinist vision of history, Stalin’s recent opponents existed – historians participating in Grigory Zinoviev’s opposition and the so-called United Opposition in 1925-1928. At the same time, it describes how they themselves used historical publications in the political struggle, as well as their direct participation in campaigning against Joseph Stalin’s and Nikolai Bukharin’s course. An important milestone was the publication of Stalin’s letter to «Proletarian Revolution» newspaper, which, in addition to changing trends in historiography, also led to repression against former Trotskyists working in the humanities.

Keywords: left opposition, historical science, historiography, Leon Trotsky, Grigory Zinoviev, Joseph Stalin.

Acknowledgments. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 19-011-00782A “Historical science of Petrograd-Leningrad (1917–1934): centers, research directions, collective biography”

For citation: Barinov D.A. Historians and opposition in Leningrad (1920s – 1930s). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 3, pp. 25–37 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-3-25-37>

Историография политической истории СССР 1920-х гг. убедительно показывает, как история революционного движения становилась важным инструментом внутрипартийной борьбы. Поиск политических и идейных ошибок оппозиционеров и большевиков, в разное время блокировавшихся с И.В. Сталиным, часто подменял дискуссии об актуальных проблемах, связанных с развитием социалистического государства (см., например: [Дойчер: 91–181; Фельштинский, Чернявский: 86–116]). Многие поднимаемые в ходе дискуссий темы также относились к сфере гуманитарного знания и прямо или косвенно были связаны с исторической наукой – экономика, философия, литературоведение и т. д. В данной статье мы определим место партийного исторического сообщества Ленинграда в оппозиционной борьбе 1920-х гг. Прежде всего мы изучим их политическую деятельность, затем выясним, влияли ли их политические установки на характер научных работ, и в завершение проследим их судьбу в первой половине 1930-х гг., во время разворачивания репрессивной политики и пропаганды против троцкистского «охвостья».

Историки в политической борьбе. Партийная дискуссия 1923–1924 гг., спровоцированная сочинениями Л.Д. Троцкого «Новый курс» и «Уроки Октября» (построенными в том числе на разборе политических ошибок правящей тройки Сталин – Зиновьев – Каменев), мало затронула партийные массы Петрограда – Ленинграда. Наиболее активная часть большевиков была консолидирована вокруг главы Ленсовета Г.Е. Зиновьева, пользовавшегося в городе большой популярностью, и не восприняла идей наркомвоенмора Троцкого. Вероятно, единственными заметными исключениями являются Н.И. Карпов (о нем речь пойдет ниже) и Т.И. Харечко¹ – участник Гражданской войны на Украине, автор известных работ по истории революционного движения на Донбассе [см.: Харечко 1926; 1927; 1927а]. В 1922 г. как участник рабочей оппозиции он был снят с высокой должности заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК КП(б) Украины и переведен в Петроград в качестве заведующего Петроградским отделением Центрархива и рабфака ЛГУ. В 1924 г. был снят с этих должностей и исключен из партии «как один из руководителей оппозиции среди студенчества в Ленинграде»².

Спустя год ситуация в корне поменялась, и уже Зиновьев оказался в оппозиции. Его расхождения с новым блоком Сталина – Бухарина состояли в отрицательном отношении к построению социализма в отдельной стране, продвижению идеи государственной кооперации как промежуточного пути к социалистической экономике, необходимости нажима на кулака и др. [Роговин: 223–240]. Наиболее активно борьба

развернулась в ходе подготовке к XIV съезду партии в декабре 1925 г. Тогда на страницах «Ленинградской правды» и «Красной звезды» проходила широкая кампания в поддержку тезисов новой зиновьевской оппозиции, которые были приняты в первой половине октября в ходе XXII Ленинградской партийной конференции. Характерно, что сразу вслед за Г.Е. Зиновьевым и его главными сторонниками (Г.Е. Евдокимовым, П.А. Залуцким, Саркисом и т. д.) наиболее принципиальными поборниками оппозиционной линии были историки с факультета языковедения и материальной культуры (Ямфака) ЛГУ, среди них А.И. Анишев, Сеф (С.Е. Фаермарк), И.Л. Татаров, М.М. Цвибак. Последний, возражая на страницах «Ленинградской правды» взглядам бухаринца А.И. Стецкого, писал: «На первый взгляд читателю кажется, что есть где-то в Ленинграде какие-то антиленинцы, настолько погрязшие в меньшевизме, что они не хотят признать социалистическую роль кооперации и баста. Но дело в том, что таких антиленинцев пока не встречалось (не исключена, правда, возможность, что таковых могут прислать из института красной профессуры)»³. Последняя оговорка отнюдь неслучайна, так как Институт красной профессуры был известным центром бухаринской экономико-исторической школы [см. подробнее: Никуленкова]. Интересно, что противостояние петербургской и московской исторической школы существовало и в среде партийных историков, однако очень непродолжительное время и в крайне своеобразной форме, не относящейся строго к историческим студиям.

Полемика на страницах печати, разумеется, не была единственным способом борьбы для историков в оппозиции. Большое значение имела агитация на фабричных предприятиях (ей, в частности, занимался один из наиболее активных оппозиционеров С.К. Минин⁴, партийный историк и ректор Коммунистического университета), агитация в кружках политпросвет работы, использовавших в качестве методического пособия «Философию эпохи» и «Вопросы ленинизма» Г.Е. Зиновьева. Эта кружковая работа легла в том числе и на университетских историков.

Разгром оппозиции произошел в январе 1926 г. Сеть инициативных групп, созданных присланными из Москвы сталинцами, фактически подменила собой существовавший губком и заставила (часто путем давления и угроз) партийные коллективы выразить осуждение поведению ленинградской делегации на XIV съезде партии, которая отстаивала оппозиционную повестку. Произошло это несмотря на то, что буквально за 2–3 недели до этого подавляющее большинство партячеек высказали единодушную поддержку Зиновьеву и Ко. К сожалению, в литературе мало уделяется внимания той встряске, которую получил партийный аппарат Ле-

нинграда после поражения зиновьевцев. В течение первых месяцев 1926 г. были переизбраны все крупнейшие составы Бюро партколлективов, отстраненными от должности и переведенными в провинцию оказались многие активные зиновьевцы. Эти репрессивные меры коснулись и историков: с поста ректора Коммунистического университета и проректора ЛГУ был снят С.К. Минин, в регионы были переведены М.М. Цвибак, А.И. Анишев, И.Л. Татаров, Сеф, Н.М. Маторин и др.

Летом 1926 г. состав противников блока Сталина – Бухарина вновь поменялся. В это время Троцкий и Зиновьев решили выступить единым фронтом, объединив усилия своих сторонников. Так зиновьевцы, активно критиковавшие в 1923–1925 гг. не только Сталина, но и Троцкого, вступили в союз с последним. К этому времени распространять легально идеи оппозиции было практически невозможно. Статьи и книги оппозиционеров не публиковались, а публичные выступления лидеров всегда оканчивались скандалом. У противников сталинского курса осталось лишь несколько путей агитации. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, выступления на общих собраниях партколлектива с вопросами или замечаниями в духе оппозиционной повестки. Например, в ЛГУ эта работа легла на историка России К.В. Нотмана и историка литературы Г.Е. Горбачева. Они пытались проводить критику докладов, посвященных текущему политическому положению, в рамках прений озвучивать оппозиционные взгляды, касающиеся расширения партийной демократии, наступления на кулака, ошибочности курса в отношении Китайской революции, осуждали репрессии против оппозиционеров и т. д.⁵ В Педагогическом институте им. Герцена роль оппозиционного агитатора исполнял историк С.А. Лотте, которая вместе с мужем, историком философии М.Л. Ширвиндтом, преподававшим в Политехническом институте, состояла в буферной группе (небольшая оппозиционная группа, близкая Троцкому, но менее радикальная во взглядах). О характере ее работы: «...участвовала в антипартийном собрании, активно выступала на партсобраниях, по словам очевидцев, приходилось сталкиваться с трибуны Лотте, на одном из собраний написала резолюцию от своей группы и выступила, предложив ее и защищая»⁶.

Во-вторых, для оппозиционеров важно было заручиться поддержкой в среде рабочих, поэтому часть агитационной работы проводилась на ленинградских фабриках и заводах. Эта сфера деятельности троцкистов и зиновьевцев в виду подпольного характера отражена в документах хуже всего. Однако можно сказать, что среди историков подобную работу вели, например, А.И. Каменгулов и И.Я. Богомольный на заводе «Красный гвоздильщик»⁷. Работу

в студенческих и заводских кружках вел универсант К.В. Нотман. Одним из лидеров группы оппозиционеров Василеостровского района был доцент Ямфака ЛГУ Г.Е. Горбачев [Стефаненко: 32].

В-третьих, оппозиционеры были вовлечены в распространение листовок и сбор подписей под Платформой 83-х, которую противники Сталина безуспешно пытались опубликовать или придать широкому обсуждению. В эту работу были в той или иной степени вовлечены все участники оппозиции. Супруги С.А. Лотте и М.И. Ширвиндт также участвовали в сборе подписей под заявлением буферной группы⁸.

Говоря о работе объединенной оппозиции, нельзя обойти вниманием фигуру Н.И. Карпова. Известный писатель и сторонник Троцкого Виктор Серж вспоминал о нем как об одном из лидеров Ленинградской оппозиционной группы. Участник Гражданской войны, делегат VIII съезда партии (1919 г.), блестящий знаток партийной истории был одним из тех, кто поддерживал Троцкого еще в дискуссиях 1923–1924 гг., за что был снят с должности преподавателя Коммунистического университета. В годы членства в объединенной оппозиции он являлся преподавателем ЛГПИ им. Герцена (1925–1928 гг.). В. Серж о работе с Н.И. Карповым писал: «Мы собирались в номере “Астории”, обычно у Н.И. Карпова, профессора агрономии⁹, бывшего армейского комиссара. Приходили: два или три рабфаковца, два старых большевика из рабочих, участвовавшие во всех революциях, которые произошли в Петрограде за двадцать лет; К., в прошлом организатор партийной типографии, скромный, не занявший синекюры из-за излишней совестливости, который и десять лет спустя после взятия власти по-прежнему жил в бедности, худой и бледный, в выцветшей фуражке; Федоров, рыжий детина, прекрасно сложенный, с открытым лицом воина-варвара, который работал на заводе и вскоре покинул нас, чтобы, в конце концов, погибнуть вместе с зиновьевцами» [Серж: 252]. Карпов также участвовал в подготовке выступления оппозиции на демонстрации в Ленинграде, посвященной 10-летию Октября¹⁰. Помогала Н.И. Карпову его супруга – преподаватель истории А.Д. Войтоловская. Хотя она не состояла в партии, но брала на себя часть забот мужа [Григоров: 408].

Вероятно, то, что Н.И. Карпов был не рядовым оппозиционером, а одним из лидеров движения, объясняет составление крайне обширной стенограммы его допроса в Контрольной комиссии 16 ноября 1927 г. Подобные документы – редкий источник, позволяющий судить о мнениях, идеях и мотивации оппозиционеров, так как материалов личного происхождения от троцкистов и зиновьевцев осталось крайне мало. Поэтому, полагаем, стоит подробнее остановиться на содержании стенограммы. Так, Н.И. Кар-

пов утверждал, что пришел к оппозиционным взглядам еще до выступлений Троцкого. В 1923 г., работая в Зиновьевском университете, он «заметил некоторый холодок, создается какая-то прослойка, которая начинает отходить от массовой боевой работы, появляется некоторый карьеризм». Тогда он выступил с докладом в университете, полагая, что партиец имеет право высказаться, но испытал на себе гонения, однако Контрольная комиссия встала на его сторону, отметив, что ничего предосудительного в его словах не было¹¹. Стараясь побороть растущий отрыв партии от рабочих масс, Н.И. Карпов, переведясь в Институт им. Герцена, сам попросил прикрепить его к партийному коллективу «Красного Путиловца» и, отказавшись от высоких постов, пошел в ячейку паровозно-котельной мастерской¹². Далее историк сокрушался о том, что в партию пролезает много приспособленцев, бывших представителей враждебных большевикам партий, которые в своих личных интересах «с пной у рта» отстаивают линию ЦК.

Представители контрольной комиссии попытались подставить под сомнения и научные заслуги Н.И. Карпова, составившего 4-томную хрестоматию по ленинизму¹³, которую один из допрашивающих назвал «неудовлетворительной». Историк парировал: «Партию они удовлетворили. Эти 4 тома выдержали 3 издания по 20 тыс. (экземпляров. – Д. Б.) каждое, партия их поглотила и партия изучала, изучает и сейчас занимается по этим книжкам»¹⁴. В ходе изучения работ Ленина, сопровождавшего подготовку издания, Карпов пришел к выводу о случившемся в 1926–1927 гг. отходе от основ ленинского учения, против которого и должны бороться «кистые» большевики, т. е. оппозиционеры.

«Когда в партии происходят такие события, что вчера (Зиновьев. – Д. Б.) был председателем Коминтерна, а теперь контрреволюционер, член партии, естественно, должен получить освещение и той и другой стороны <...> Неужели вы хотите, чтобы я не интересовался этими вопросами, принял пассивно Вашу резолюцию», – вопрошал в завершение допроса Н.И. Карпов. Однако ни предельная искренность, ни явное превосходство в знании партийной истории, обнаруженные в ходе допроса¹⁵, не спасли Н.И. Карпова от исключения из партии в декабре 1927 г.

Решения XV съезда партии в декабре 1927 г. заклеили оппозицию как меньшевистское течение, и с этого момента состоять в ней стало невозможно не только де-факто, но и де-юре. В январе – марте 1928 гг. последовало массовое исключение оппозиционеров из партии, которое затронуло и большинство историков. Одним из оппозиционеров, отказавшихся капитулировать, стал историк-германист Г.Я. Яковин, преподававший курс истории ВКП (б)

в Коммунистическом университете, Технологическом институте и ЛГПИ им. Герцена¹⁶. По воспоминаниям В. Сержа, он являлся одним из главных теоретиков ленинградских троцкистов. Вплоть до 1928 г. Г.Я. Яковин находился на нелегальном положении, по поддельным документам перемещаясь между Москвой, Ленинградом и Крымом в поисках своих сторонников. На допросах ОГПУ в октябре 1928 г. вел себя крайне мужественно: «Мне предъявлено обвинение в принадлежности к антисоветской организации без малейшей попытки подтвердить это хотя бы даже в самой общей форме какими-либо фактами. Я протестую против такого обвинения... <...> Содержание же меня, коммуниста-большевика, в советской тюрьме считаю оскорбительным не только для себя, но и для соответствующего советского органа». Столь же стойким было его поведение в феврале 1935 г., когда при аресте он, согласно обвинительному заключению, «уничтожил (порвал) документы, имеющие отношение к делу. Находясь в заключении в Сталинабаде и в Москве в изоляторе, нарушал распорядок, пытался связаться с другими заключенными. При следовании конвоем из Сталинабада в Москву рассылал троцкистским ссылкам извещения о своем аресте, предварительном допросе и известных ему арестах троцкистов» (цит. по: [Беленкин: 356–358]).

Среди других активных деятелей троцкистского подполья можно назвать историка философии А.М. Альтера и его супругу преподавательницу О.М. Танхилевич. Оба занимались оппозиционной работой вплоть до конца 1928 г. Вскоре после возвращения из ссылки в 1930 г. вступили в группу капитулянтов Н.И. Смирнова, и в 1933 г. были сосланы повторно [Баринов].

Оппозиционеры и историческая наука. История левой оппозиции была короткой, но крайне насыщенной – постоянное изменение политической конъюнктуры вело к частой перегруппировке сил, когда вчерашние враги становились союзниками. Так произошло и с зиновьевцами, которые вплоть до начала 1926 г. с открытым или сдержанным негативом относились к сторонникам Троцкого, что нашло отражение и в научных публикациях оппозиционеров. На тот момент, когда Троцкий превратился в соратника Зиновьева по борьбе со Сталиным (лето 1926 г.), оппозиционеры были лишены любой возможности для печатного выражения своей политической позиции или изложения своего видения партийной истории. В этой связи актуальные коррективы по отношению к прошлому и настоящему троцкизма так и не увидели свет. Тем не менее нам кажется важным остановиться на самом методе использования истории как орудия политической борьбы, которым пользовались и представители оппозиции в Ленинграде.

Основной «исторический» выпад Троцкого против Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева был связан с их позицией о преждевременности захвата власти в октябре 1917 г., опубликованной в печати накануне восстания. Это партийное «прегрешение» было разобрано Троцким в работе «Уроки Октября» (1924 г.), при этом автор отмечал, что эта ошибка не была случайна, а являлась продолжением политических взглядов. Г.Е. Зиновьев не остался в стороне, и в своих исторических публикациях старался парировать Троцкому. В работе «Ленинизм» он попытался оправдаться за «октябрьскую» ошибку, при этом характерно, что Зиновьев, не упоминая сути своего проступка, сразу переходит к описанию его причин. Глава Ленинграда признавался, что, находясь в подполье, не уследил за быстро меняющейся политической обстановкой и в октябре 1917 г. руководствовался сентябрьской статьёй В.И. Ленина «О компромиссе». Эта статья, по словам Зиновьева, отражала позицию Ленина, стоявшего незадолго до революции за сохранение программы минимум. «Речь не идет сейчас об ошибках того или иного большевика, а о развитии большевизма в целом», – так Зиновьев пытался уйти в область абстрактного [Зиновьев 1925: 118]. В своих работах он и сам старался нападать, в частности критикуя экономические взгляды Троцкого и его теорию перманентной революции. Причем последнюю он называет теорией Троцкого – Парвуса, что является явным пропагандистским ходом, так как на тот момент за Парвусом уже давно закрепилась репутация одиозной личности [Зиновьев 1925: 133].

Статья «Большевизм или троцкизм?» была прямой реакцией на «Уроки Октября». Зиновьев утверждал, что «на VII съезде тов. Троцкий, находившийся в нашей партии тогда всего только около полугода, в первый раз создал троцкистский кризис. С тех пор, увы, эти кризисы повторяются периодически» [Зиновьев 1926: 109]. Статья была полна намеков и указаний на меньшевистское прошлое Троцкого. В частности, говорилось, что Ленин – классический тип пролетарского революционера, Троцкий – классический тип интеллигентского революционера, который только может делать вид, что сливается с рабочей массой [Зиновьев 1926: 113].

Подобная антитроцкистская линия проводилась Зиновьевым и его сторонниками (в том числе историками) даже в то время, когда они сами в 1925 г. оказались в оппозиции. Например, Г.Е. Горбачев свой краткий очерк по истории партии завершает следующей репликой: «Попытка т. Троцкого произвести ревизию ленинского учения о движущих силах русской революции, об основах союза пролетариата и крестьянства, о взаимоотношении партии и масс, извратить историю коммунистической партии, якобы научившейся чему-то и усвоившей что-то от мелкобуржу-

азного троцкизма эпохи 1905–1917 гг., не удалась». Приложением к брошюре идет осуждающая резолюция о выступлениях Троцкого, принятая пленумами ЦК РКП(б) и ЦКК 17 января 1925 г. [Горбачев 1925: 75] Куда более противоречивой было отношение Г.Е. Горбачева к Троцкому как литературному критику. О его работе «Литература и революция» он писал одновременно, что она «не пригодна ни как справочник и путеводитель, ни как учебник, ни как руководящая настольная книга для нашего студенчества» из-за своей «капризной композиции» [Горбачев 1926: 159], в заключении же утверждалось, что книга может претендовать на произведение великого литературного критика, а отдельные главы труда Троцкого должны стать образцом марксистского анализа и войти во все хрестоматии [Горбачев 1926: 160, 194].

Знаменитый труд А.И. Анишева о Гражданской войне был завершен до начала полемики 1924 г., и потому оценивал роль Троцкого в сдержанных тонах, тем не менее в предисловии автор оговаривается: «Должен, наконец, отметить, что я писал свою работу до последнего выступления тов. Троцкого с “Уроками Октября”, в борьбе с которым не только были даны некоторые новые материалы, но и теоретически оформились и стали более выпуклыми некоторые из основных проблем революции» [Анишев: 4] Очевидно, эта оговорка свидетельствует о готовности автора к пересмотру положений собственного исследования.

Борьба с Троцким коснулась и, казалось бы, такого нейтрального научного жанра, как сборник документов. «История РКП(б) в документах» составленная Зиновьевцем И.Л. Татаровым, содержит целый раздел со статьями Троцкого, написанными в период Первой мировой войны, однако вслед за ним идет блок публикаций Зиновьева за этот же период, посвященный разоблачению взглядов Троцкого. Раздел «Борьба против Троцкизма» также представляет собой подборку текстов, направленных против лидера оппозиции¹⁷.

Учреждения, связанные с историей партии и революционного движения, в малой степени испытали на себе влияние развернувшейся полемики. «Красная летопись», издаваемая Ленинградским отделением Истпарта, публиковала прежде всего воспоминания и документы, а потому мало касалась вопросов текущей политики. Однако небольшой эпизод, связанный с влиянием партийной борьбы на источниковедение, все же обращает на себя внимание. 27 апреля 1927 г. Институт Ленина при ЦК ВКП(б) велел Ленинградскому Истпарту отложить публикацию протокола Петроградского совета профессиональных союзов от 9 ноября 1917 г.¹⁸ Такая же директива вскоре последовала и относительно речи Ленина, произнесенной на заседании Петроградского комитета 1 ноября

1917 г. Это вовсе не случайно, так как в первом случае Троцкий вместе с Лениным отмечаются как главные организаторы революции: «...своим саботажем наши противники нанесут великий удар не Ленину и Троцкому и др. большевикам, а всему рабочему классу»¹⁹; а во втором содержалось следующее ленинское высказывание: относительно меньшевиков «Троцкий давно сказал, что объедин[ение] невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего б[ольшевика] [Ленин: 216]. Эти документы собирались для публикации в сборнике «Первый легальный Петербургский комитет большевиков в 1917 г.», но так и не были в него включены. Уже после набора корректуры от секретариата ЦК поступило распоряжение отправить эти места «в разбор». Глава Ленинградского истпарта П.Ф. Куделли в качестве причины такого пропуска назвала плохую запись документа [Троцкий 1990: 113]. Такое объяснение не видится состоятельным, так как копия этой записи активно использовалась Троцким в его пропагандистских текстах. В 1927 г. его возмущение было изложено в «Письме в Истпарт», которое получило отказ в публикации и распространялось в копиях. Впоследствии письмо стало основой изданной в Берлине в 1932 г. «Сталинской школы фальсификаций».

В остальном историки-оппозиционеры посвящали себя преимущественно нейтральным исследовательским сюжетам, не стремясь привязать их к задачам политической борьбы. К.В. Нотман занимался историей внешней политики России, С.А. Лотте и И.Я. Богомольный – историей Франции, А.М. Альтер, М.Л. Ширвиндт – историей философии, А.М. Каменев, Г.Е. Горбачев и Е.Н. Дубов – историей литературы, М.М. Цвибак – историей России нового времени, Л.Г. Райский – историей США. С.К. Минин опубликовал воспоминания о своей революционной работе в Царицыне [Минин]. К сожалению, они ограничиваются 1917 г. и не затрагивают период их совместной работы со Сталиным в годы Гражданской войны.

«Троцкистская контрабанда». К началу 1930-х гг. борьба с оппозицией в значительной мере поутихла. Большинство бывших противников сталинского курса «капитулировало» и в течение 1928 г. было возвращено в ряды партии. Многие при этом получили повышение по службе. М.М. Цвибак по ходатайству ЛГУ был возвращен из Ташкента, К.В. Нотман занял кафедру истории ВКП(б) в ЛИФЛИ, другие историки также находились на видных ролях в своих институтах и университетах. В этот же период в Ленинград переехали известные историки-оппозиционеры из Москвы – А.Г. Пригожин, С.М. Томсинский, А.И. Малышев и др.

Ситуация резко изменилась с публикацией осенью 1931 г. письма Сталина, адресованного редакции «Пролетарская революция», которое содержало призывы бороться с проявлением троцкизма в исторической

науке. Подобный выпад против «троцкистской контрабанды» не был первым в своем роде. Как едко замечал Троцкий, «если хотите узнать, чего хочет Сталин достигнуть через полгода... послушайте, что говорит Ярославский» (цит. по: [Фельштинский, Чернявский: 247]). И действительно еще в феврале 1930 г. состоялся доклад Е.М. Ярославского на собрании преподавателей обществоведов, на котором отмечалась несовместимость троцкистского и большевистского взглядов, в том числе и на историю партии [Ярославский]. Однако именно письмо генсека приобрело характер директивы и привело к гонениям на историков из числа бывшей оппозиции. В чем была суть претензий Сталина? Поводом для него послужила статья московского историка А.Г. Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период её предвоенного кризиса», в которой автор говорил о недостаточно жесткой позиции В.И. Ленина по отношению к немецким социал-демократам в период Первой мировой войны [Слуцкий]. Такая трактовка событий была расценена Сталиным как клеветническая и фальсификаторская. Очевидно, размышления Слуцкого были восприняты как намек на примиренческую позицию Троцкого, которую тот долгое время занимал по отношению к фракциям РСДРП и которую занял сам Ленин в годы войны по отношению к немецким социал-демократам. Надо отметить, что статья Слуцкого дает мало оснований для подобных домыслов и параллелей, однако Сталин поставил ее в качестве примера попытки «протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам» [Сталин 1931: 99].

В завершении статьи досталось и известному ленинградскому партийному историку В.О. Волосевичу. Его «Самая краткая история ВКП(б)», выдержавшая на тот момент 10 изданий, по мнению генсека, также не была свободна от фальсификаций. К таковым Сталин отнес суждение историка о том, что в предвоенные годы Ленин не разделял возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. После крайне абсурдного опровержения этой мысли ленинскими цитатами из 1905 г. (хотя историк говорил о 1912 г.) Сталин заключает, что позиция В.О. Волосевича ведет к тому, что Ленин стал большевиком только в 1917 г., «перевооружившись» с помощью теории перманентной революции Троцкого, которая прямо не называлась, но явно имелась в виду.

Сложно однозначно ответить, каковы были истинные мотивы письма Сталина: желание активизировать борьбу с бывшими оппозиционерами, направить партийную историческую науку в нужное русло, ответ на заграничные публикации Троцкого, собственная мнительность и подозрительность, дискредитация Розы Люксембург, вокруг идей которой группировались недовольные сталинской политикой

члены Коминтерна и т. д. Так или иначе во многих вузах и научных институтах письмо было воспринято как прямое руководство к действию. В ноябре – декабре 1931 г. началась масштабная, пусть и краткосрочная, «разоблачительная» кампания против троцкизма, а фамилии Слуцкого и Волосевича стали нарицательными именами для обозначения идеологических «контрабандистов» (подробнее см.: [Barber]).

Любопытно, что менее всего в ходе разоблачений пострадал один из непосредственных адресантов сталинского письма В.О. Волосевич. Биография это крупнейшего партийного историка Ленинграда 1920-х гг. представлена в литературе только в самых общих чертах. Поэтому остановимся на ней чуть подробнее. Владислав Оттонович Волосевич родился в 1882 г. в семье участника польского восстания 1863 г., приговоренного к каторге, впоследствии замененной ссылкой. В 1901 г. поступил в Харьковский университет, откуда дважды исключался за участие в студенческих беспорядках. В 1903 г. вступил в ряды большевистской партии, с 1907 г. работал в подполье. После одного из многочисленных арестов в 1910 г. был сослан в Енисейскую губернию, д. Денисовку. Впоследствии жил в Иркутске, где работал в метеорологической обсерватории. В 1912 г. бежал за границу, жил сначала в Льеже, а затем в Лилле, где в 1918 г. окончил курс Промышленного института, но не сдавал экзамены. Во Франции занимался редакторской деятельностью в коммунистических газетах «Proletaire» и «L'humanite». В 1920 г. вступил во французскую компартию и в комитет 3-го Интернационала. В 1922 г. переехал в СССР и начал преподавательскую работу. В 1924–1925 гг. являлся заведующим Ленинградским отделением Центрального архива, с 1925 г. – руководитель кафедры истории ВКП(б) в Военно-инженерной академии, в это же время преподавал историю в областной совпартишколе Института национальных меньшинств Запада. С 1934 по 1937 гг. – в институте инженеров железнодорожного транспорта. Первый год блокады историк провел в Ленинграде, после был эвакуирован в Киров. После снятия блокады Волосевич возвратился в Ленинград, вернувшись к преподаванию в химико-техническом институте. В 1950 г. вышел на пенсию²⁰.

Волосевич подвергался нападкам и до сталинского письма. Еще в марте 1931 г. он жаловался Сталину, что его травят в Военно-технической академии, ставя в один ряд с «меньшевиками-вредителями»²¹. Тем не менее в дальнейшем за троцкистскую пропаганду, выявленную Сталиным, в 1932 г. Волосевич получил лишь строгий выговор. В январе 1935 г. в рамках «кировского потока» он оказался исключен из партии за неучастие в борьбе против оппозиции, однако уже в феврале Контрольная комиссия пересмотрела это решение, так как Волосевич никогда не состоял в оп-

позиционных группировках²². Фактически это все репрессии, которым он подвергался. Вероятно, столь мягкие наказания были вызваны тем, что Волосевич всегда был далек от любой оппозиции, а после появления письма добровольно «ушел в тень», перестал заниматься историей и переключился на преподавание математики.

Судьба действительных оппозиционеров не была столь легкой. Так, в декабре 1931 г. заседание партийной Ленинградского историко-лингвистического института (выделенного из ЛГУ) превратилось в настоящую травлю бывших участников троцкистско-зиновьевского блока – Г.Е. Горбачева, К.В. Нотмана и М.М. Цвибака (уволенного в марте). Все три дня, что длилось заседание, собравшиеся с опорой на сталинский текст упражнялись в словесных эскападах по отношению к бывшим оппозиционерам. В зависимости от выступающих менялась только радикальность предлагаемых мер: от расправы путем исключения и отсечения от партии до необходимости ознакомиться с трудами гонимых и дать развернутую критику. К.В. Нотман пытался откреститься от Горбачева, отмечая, что не знал о его «троцкистских установках», а огульно осуждать его он не мог. Обвинения в протаскивании троцкистской контрабанды он отрицал и подчеркивал, что от своих оппозиционных взглядов давно отказался. Отказывается он и принять в качестве обвинения отношения с М.М. Цвибаком, так как его «контрабанда» не доказана²³. Последнему пришлось выслушать обвинения и в Институте истории ВКП(б), где решением Бюро он был отстранен от работы в НИИ истории. Стоит обратить внимание на то, что этот институт стал единственным местом, где прозвучали реплики в защиту А.Г. Слуцкого и В.О. Волосевича, впрочем, картины всеобщего порицания они не изменили²⁴.

Примечательно, что часто именно бывшие оппозиционеры были наиболее активными проводниками сталинской линии. В институте истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (ЛОКА) доклад о письме Сталина делал А.Г. Пригожин. Доклад был одобрен, по его завершению коллектив призвал бороться с ошибками троцкистского порядка, а также намечен план пропагандистской работы²⁵. Именно на ЛОКА легло бремя распространения сталинских идей. Работа проходила в два этапа: с 5 по 29 ноября – широкое обсуждение в ячейках; с 29 ноября по 15 января – агитационная компания, на которую было привлечено 175 человек из разных институтов (150 – для Ленинграда, 25 – для области). По итогам проработки письма Сталина партийной группой институтов показали «небывалую активность», «политическую зрелость», «большевистскую готовность»²⁶. В партколлективе ГАИМКа одним из критиков оппозиционеров был бывший троцкист С.Г. Томсинский.

Сталинскую критику в области истории литературы также проводил бывший оппозиционер А.Д. Камегулов, критиковавший ранние публикации другого экс-оппозиционера Г.Е. Горбачева. В 1932 г. Камегулов писал, что письмо тов. Сталина «именно потому и имеет исторически-международное значение, что оно наряду с целым рядом важнейших вопросов, связанных с изучением истории нашей партии и международного революционного движения, поставило со всей большевистской непримиримостью и ясностью вопрос о новых приемах в тактике классового врага» [Камегулов: 4]. Определив этими словами «методологию» своей работы, автор разбирает публикации Горбачева 1920-х гг. Фарсу подобной критике добавлял тот факт, что Горбачев, как мы показали выше, активно осуждал взгляды Троцкого на литературоведение, хотя и признавал его публицистический талант и силу аргументации. Но политическая конъюнктура оказалась сильнее здравого смысла. В завершении своего анализа Камегулов признает работы Горбачева троцкистской вылазкой, а также заключает, что тот не разбирается в марксистской теории, так как у него «капитализм изображен абстрактным мистическим божеством» и как «монистический магический фатум исторического русского процесса» [Камегулов: 34, 21].

В конце года с редакционной статьей выступил ленинградский историко-партийный журнал «Красная летопись». Статья призывает стоять на страже партийной истории, не допуская ее искажений: «...мы должны быть зорки и бдительны, мы должны уметь различать своего противника, в какие бы одежды он не переряжался, какими бы теориями не прикрывал свою кулацко-буржуазную сущность, и в корне пресекать малейшее извращение ленинской теории»²⁷.

Любопытно, что кампания по проработке сказала и на библиотечном деле. Резолюция партколлектива Публичной и других городских библиотек призвала разрушить монополию буржуазных специалистов в области библиотечной теории и практики, в частности Н.А. Рубакина, Л.Б. Хавкиной, В.А. Невского, А.А. Покровского, Б.В. Банк и др. Суть критики заключалась в том, что их демократическая идея свободы читателя от педагогического воздействия библиотекаря была сочтена либеральной и вредной. Библиотекарь, гласила резолюция, должен был принимать на себя также и функции агитатора и организатора просветительской работы²⁸. В отдельных учреждениях звучали и вовсе курьезные призывы. Так, в Институте политпросветработы постановили развенчать взгляды Л.Д. Троцкого на библиотечное дело. Для этого важного направления «развития» марксизма были установлены плодотворные связи с вузами других городов (Москва, Харьков, Нижний Новгород) и редакцией журнала «Красный библиотекарь»²⁹.

В январе 1932 г. И.В. Сталин развил свою позицию в отношении партийной истории в ответе на письмо слушателя Ленинградской Военно-технической академии П.О. Олехновича. Он отмечал ошибочность высказанного студентом мнения о том, что троцкизм никогда не являлся фракцией коммунизма. Генсек отмечал, что троцкизм являлся фракцией до входа в большевистскую партию и снова стал ей после изгнания оттуда за вредительскую работу в 1927 г. «Собака вернулась к своей блевотине», – в узнаваемом стиле заключил Сталин [Сталин 1932: 128]. Это письмо совпало со временем окончания кампании. Так подводили ее итоги в районном комитете ВКП(б) Петроградского района: «...проработка показала всю своевременность и актуальность письма т. Сталина, способствовала вскрытию ряда проявлений троцкистской контрабанды (Кузютин³⁰ – в ЛЭТИ, отдельн[ых] кафедрах ЛМИ, проявлению гнилого либерализма на практике и в теории (р[аб]ф[ак] ЛЭТИ, Рентгенолог[ический] институт, Травматологич[еский] институт), хвостизм отдельных коммунистов и ряда кафедр соц[иально-]эконом[ических] дисциплин вузов»³¹.

Отрывочные свидетельства позволяют судить о восприятии письма немногочисленными реальными «неразоружившимися» троцкистами. Речь идет прежде всего о группе «капитулянтов» И.И. Смирнова (1931–1932 гг.), куда вошли партийцы, формально отказавшиеся от оппозиционных взглядов, но продолжавшие критически относиться к сталинскому курсу. Из материалов о группе, собранных ОГПУ, становится видно, что капитулянты воспринимали сталинское письмо как отвлечение внимания партии от актуальных хозяйственных трудностей, и своим содержанием оно должно было бить не по извратителям истории, а именно по троцкистам; при этом подчеркивался намеченный Сталиным курс на фальсификацию истории и подтасовку исторических документов³².

Подчеркнем, что «разоблачительная» кампания 1931–1932 гг. не привела к сравнительно серьезным расправам. Дело ограничилось краткосрочным исключением из партии и снятием с ряда должностей. Тем не менее все бывшие оппозиционеры сохранили основное место работы и продолжили преподавать. Однако в отличие от кампании 1927–1928 гг. сейчас им вменялись надуманные обвинения, так как никаких «вылазок» в их публикациях, конечно, не было, тем более что в своем большинстве историки-оппозиционеры на тот момент занимались исследовательскими сюжетами, отвлеченными от партийной истории.

Заключение. Историки-партийцы Петрограда/Ленинграда оказались достаточно восприимчивой средой к оппозиционным течениям. В 1925 г. вслед за партийными лидерами они оказались одними из главных «глашатаев» зиновьевской оппозиции, активно высту-

пая и на страницах печати, и в рабочих и студенческих кружках. Большинство из них летом 1926 г. продолжило борьбу в блоке с Троцким. Активное участие историков в оппозиционной работе, на наш взгляд, во многом связано с тем, что они имели должную научную подготовку для понимания основных сюжетов политических дискуссий, связанных с вопросами истории, экономики, философии и т. д. Этим же обусловлено в целом большее представительство в оппозиции ученых гуманитарных специальностей. Помимо названных нами историков, это экономисты Ф.Н. Дингельштедт, М.М. Духовный, Н.Я. Пилявин, Б.А. Кужнир, О.Б. Остроумов, педагоги О.Г. Лившиц, С.Б. Раскина, преподаватели философии О.М. Танхилевич, А.Л. Бронштейн (Соколовская), Э.Ф. Лепинь и др. Однако нельзя не отметить, что о значительном представительстве ученых-гуманитариев в оппозиции можно говорить только в сравнении со всей массой ученых в оппозиции, в целом партийная масса Ленинграда оказалась достаточно индифферентной по отношению к политической борьбе.

В отличие от Москвы ленинградские историки не смогли создать какого-либо центра сочувствия оппозиции. В столице такую роль играло Общество политкаторжан. Один из его руководителей – редактор журнала «Каторга и ссылка» В.Д. Виленский-Сибиряков – в годы борьбы допускал публикации оппозиционных текстов, что вело к серьезным стычкам со старостой общества Е.М. Ярославским [Юнге: 244–276]. Группа сторонников Л.Д. Троцкого работала в Институте красной профессуры, и в письмах из алма-атинской ссылки опальный большевик сетовал на то, что с ними не получается установить взаимодействие [Троцкий 1995: 139].

Уже к началу 1926 г. оппозиционеры по всей стране оказались отрезаны от возможности публикаций актуальных политических статей или текстов, посвященных проблемам истории партии. Подобные цензурные меры лишили их возможности публично подкорректировать собственные взгляды относительно Троцкого и его роли в революции. Тем не менее очевидно, что такая корректировка была, так как на собраниях партячеек часто поднимался вопрос о неприемлемости репрессивных мер к такому заслуженному революционеру, как Троцкий. Получив небольшую передышку в конце 1920-х гг., оппозиционеры, уже в статусе капитулянтов, вновь подверглись гонениям после упомянутого письма И.В. Сталина. Тот факт, что «разоблачительная» кампания коснулась прежде всего бывших троцкистов и зиновьевцев, позволяет говорить, что главный посыл письма генсека лежал в политической, а не историографической плоскости (так же эту кампанию воспринимали и неразоружившиеся троцкисты). Часто наиболее активными борцами с троцкистской контрабандой были

экс-оппозиционеры. Очевидно, ими двигал инстинкт самосохранения и желание сыграть на опережение, избегая преследований – так как сам посыл инспирированного Сталиным поиска «троцкизма» многим был очевиден. Тем не менее эффект от письма в «Пролетарскую революцию» оказался довольно краткосрочным, сойдя на нет к январю 1932 г., при этом пострадавшие отделались лишь незначительными взысканиями. Окончательная расправа над оппозиционерами произошла после убийства Кирова, когда с посылки Сталина, призвавшего искать виновных в среде «зиновьевцев», были арестованы сотни бывших противников сталинского курса, уже давно отошедших от политической борьбы.

Кампания 1931 г. шла в русле общего наступления сталинского курса на историческую науку. Характерно, что М.М. Цвибак, один из пострадавших в ходе проработки, в начале года сам участвовал в критических и крайне агрессивных нападках на идеи школы Платонова [Зайдель, Цвибак]. В рамках этого наступления письмо в «Пролетарскую революцию» было прежде всего по партийной истории. Разгром оппозиций и уклонов привел к появлению целого ряда табуированных тем, связанных с революционными заслугами противников сталинского курса. Однако историки партии еще сохраняли известную свободу в выборе исследовательских сюжетов, имели возможность для критических высказываний и обобщений. Последствия, спровоцированные письмом Сталина, привели к сворачиванию подобных вольностей. И если до 1931 г. правила игры (т. е. список запрещенных тем) были всем понятны и очевидны, то критерии выявления «троцкистской контрабанды» явно лежали в области субъективного сталинского восприятия и потому не могли быть четко сформулированы. Все это сформировало крайне запутанную историографическую ситуацию – запрещались не только положительные оценки и упоминания отдельных лиц, но и намеки на них. Понять, в чем заключаются эти намеки, то есть собственно сама контрабанда, было затруднительно. Однако власти требовали разоблачений, поэтому в качестве жертв были выбраны прежде всего бывшие троцкисты – как самые очевидные претенденты на мнимое протаскивание враждебных партии идей.

Письмо Сталина явно подтолкнуло власти к унификации партийной истории. В числе лиц, получивших упреки в письме 1931 г., был и Е.М. Ярославский. Однако будучи одним из приближенных генсека, он, разумеется, никаких взысканий не получил. Через два дня после публикации сталинского письма он обратился к генсеку с просьбой указать на конкретные ошибки в его Истории ВКП(б). Известно, что Сталин успел набросать только черновик ответа Ярославскому [Сталин 2006: 139–140]. Однако, очевидно, его установки

относительно партийной истории прямо и косвенно были взяты на вооружение, о чем свидетельствуют и перестановки в редакции «Пролетарской революции». Подобная политика постепенно привела к появлению в 1938 г. Краткого курса истории ВКП(б), заново определившего правила игры, которые в этот раз уже не предполагали никакой свободы и опустили партийную историю до уровня схоластики.

Примечания

- ¹ Встречается также вариант написания – Хоречко.
- ² Краткие биографические справки на членов партии, подписавших оппозиционную платформу «83-х» от 25 мая 1927 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 71. Д. 18. Л. 234.
- ³ Цвибак М. Куда привело ликвидаторство товарища А.С. // Ленинградская правда. 1925. 15 декабря. С. 4.
- ⁴ В редакцию «Правды» ЦО РКП(б) // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1728. Оп. 1-30. Д. 237771. Ч. 2. Л. 6.
- ⁵ См.: Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 10 февраля 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 244. Л. 2.; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 июня 1927 г. // Там же. Л. 9.; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 8 сентября 1927 г. // Там же. Л. 11.; Протокол общего собрания коллектива ВКП(б) ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // Там же. Л. 20.; Закрытое общее собрание по коллектива ВКП(б) рабфака ЛГУ. 3 ноября 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 67. Л. 57, 58 об.
- ⁶ ГАИМК – Смольнинский район [1935 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-43. Д. 338775. Ч. 2. Л. 2.
- ⁷ Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б). Партколлегия по Ленинградской области. 23 апреля 1935 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-57. Д. 455782. Ч. 1. Л. 1.
- ⁸ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1-43. Д. 338775. Ч. 3. Л. 15-16.
- ⁹ Н.И. Карпов также занимался проблемами молочной промышленности.
- ¹⁰ Стенограмма опроса тов. Карпова. 16 ноября 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-57. Д. 453380. Л. 60.
- ¹¹ Там же. Л. 42-43.
- ¹² Там же. Л. 45.
- ¹³ Хрестоматия по ленинизму: пособие для совпартшкол, кружков ленинизма и самообразования. Л., 1925. Ч. 1-4.
- ¹⁴ Стенограмма опроса тов. Карпова. Л. 48.
- ¹⁵ См. например: «За тем я был свидетелем на 7-м съезде, когда Ленин выступал против Бухарина,

когда последний выступал с содокладом, помню его беседы с Лениным во дворце Урицкого <голос – ведь съезд был в Москве>, нет он был здесь, плохо знаете историю партии» (Стенограмма опроса тов. Карпова. Л. 59)

¹⁶ По всей видимости, исторических публикаций он после себя не оставил. В 1920-х гг. он работал над «Очерком истории компартии Германии», который так и не был издан (Жизнеописание преподавателя Ленинградского политехнического института Г.Я. Яковина) // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 3121. Оп. 12. Д. 823. Л. 4).

¹⁷ История РКП(б) в документах / сост. Ш.М. Левин, И.Л. Татаров. Л., 1926. Т. 1. С. 557-566.

¹⁸ Институт Ленина при ЦК ВКП(б) – Ленинградский испарт. 7 апреля 1927 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 461. Оп. 1. Д. 159. Л. 56.

¹⁹ Протокол расширенного собрания Петр. Совета Проф. Союзов, совместно с Правлениями Проф. Союзов, от 9-го ноября 1917 г. // Петроградский Совет Профессиональных Союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. СПб., 1997. С. 101.

²⁰ См.: Curriculum vitae // ЦГА СПб. Ф. Р-4363. Оп. 1. Д. 683. Л. 3-4.

²¹ Жалоба В.О.Волосевича И.В. Сталину. 17 марта 1931 г. // Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920-1950-е годы. СПб.: Наука-Питер, 2006. С. 122.

²² Секретарю Ленинградского обкома КПСС. 6 января 1953 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-4505. Оп. 6. Д. 417. Л. 1.

²³ Прения по докладу т. Малахова «Письмо т. Сталина и очередные задачи на литературном фронте» [1931] // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1-80. Д. 633087. Л. 3-6.

²⁴ Протокол № 15 заседания бюро коллектива ВКП(б) Историко-партийного ИКП и НИИ истории Института истории ВКП(б): [декабрь 1931] // ЦГАИПД СПб. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 1. Л. 55, 60.

²⁵ Протокол № 11. Заседания Бюро ячейки Института истории от 8 декабря 1931 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 566. Оп. 1. Д. 82. Л. 23.

²⁶ [Резолюция, январь 1932 г.] // ЦГАИПД СПб. Ф. 566. Оп. 1. Д. 82. Л. 82.

²⁷ Письмо тов. Сталина и наши задачи // Красная летопись. 1931. № 5-6. С. 6.

²⁸ Резолюция, принятая на заседании общего собрания членов коллективов ГПБ и ЛЦОБ 9 и 11 декабря 1931 по докладам т. Малышева и Левентова: Историческое значение письма т. Сталина и классовая борьба на библиотечном фронте // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. 327. Оп. 1. Д. 465. Л. 5-6.

²⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 327. Оп. 1. Д. 465. Л. 2.

³⁰ Кузютин Алексей Филиппович (1906–1937) – студент, впоследствии преподаватель ЛЭТИ. Исключен из партии за участие в оппозиционной работе, расстрелян в 1937 г.

³¹ Об итогах проработки письма тов. Сталина. 23 января 1932 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 6. Оп. 2. Д. 4608. Л. 6.

³² ОГПУ – секретарю ЦК ВКП (б) тов. Сталину. 3 января 1933 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 171. Д. 139. Л. 115.

Список литературы

Анишев А.И. Очерки истории Гражданской войны. 1917–1920 гг. Л.: ВПАТ, 1925. 288 с.

Баринов Д.А. Альтер Исаак Маркович // Биография СПбГУ. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3401-alter-isaak-markovic.html> (дата обращения: 29.04.2021)

Беленкин Б.И. Репрессированные троцкисты – организованная политическая группа левого сопротивления сталинскому режиму (1927–1938): борьба как норма жизни. На материалах следственных дел Г.Я. Яковина // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы VI Междунар. науч. конф. Краснодар, 2010. С. 352–367.

Горбачев Г.Е. 1917–1925 гг.: сб. материалов для агитаторов. Л.: Прибой, 1925. 180 с.

Горбачев Г.Е. Два года литературной революции. Л.: Прибой, 1926. 200 с.

Григорьев Г.И. Повороты судьбы и произвол: воспоминания, 1905–1927 годы. М.: ОГИ, 2005. 526 с.

Дойчер И. Троцкий. Безоружный пророк. 1921–1929. М.: Центрполиграф, 2006. 493 с.

Зайдель Г.С., Цвибак М.М. Классовый враг на историческом фронте. Тарле, Платонов и их школы. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. 232 с.

Зиновьев Г.Е. Большевизм или троцкизм? // Об «Уроках Октября»: статьи и речи. Л., 1926. С. 96–141.

Зиновьев Г.Е. Ленинизм: введ. в изучение ленинизма. Л.: Госизд, 1925. 400 с.

Камегулов А.Д. Троцкизм в литературоведении: (Об историко-чит. и критич. работах Г. Горбачева). М.: ГИХЛ, 1932. 79 с.

Ленин В.И. Выступление на заседании Петербургского комитета РСДРП(б). 1 (14) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 2017. С. 215–216.

Минин С.К. Город-боец. Шесть диктатур 1917 года: (Воспоминания о работе в Царицыне). Л.: Прибой, 1925. 248 с.

Никуленкова Е.В. Подготовка экономистов-марксистов в институте красной профессуры в 1920-е годы // Вестник Рязанского государственного университета. 2018. Вып. 4. С. 47–55.

Роговин В.З. «Троцкизм»: взгляд через годы. М.: Терра, 1992. 399 с.

Серж В. От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. М.: Праксис, 2001. 686 с.

Слуцкий А.Г. Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса // Пролетарская революция. 1930. № 6.

Сталин И.В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 84–102.

Сталин И.В. Ответ Олехновичу и Аристову: По поводу письма в редакцию журнала «Пролетарская Революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» // Сталин И.В. Сочинения. М., 1951. Т. 13. С. 128.

Сталин И.В. Схема статьи-ответа на книгу «История ВКП(б)» под редакцией Ярославского [конец 1931 – начало 1932] // Сталин И.В. Историческая идеология в СССР в 1920–1950-е годы. СПб.: Санкт-Петербург – Наука. С. 139–140.

Стефаненко А.Ю. Внутривластная борьба в Ленинградской организации ВКП(б) (1926–1928 гг.): структура и практики деятельности оппозиционных групп // Петербургский исторический журнал. 2020. № 4. С. 21–35.

Троцкий Л.Д. Письмо Палатникову. 30 августа 1928 // Троцкий Л.Д. Письма из ссылки / ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. М., 1995. С. 139.

Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. М.: Наука, 1990. 331 с.

Фельштинский Ю.В., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Кн. 3. Оппозиционер. 1923–1929. М.: Центрполиграф, 2013. 451 с.

Харечко Т.И. 1905 год в Донбассе. Л.: Прибой, 1926. 143 с.

Харечко Т.И. Борьба за Октябрь в Донбассе // Летопись революции. 1927. № 5–6.

Харечко Т.И. Из истории РСДРП в Донбассе // Летопись революции. 1927а. № 1–3.

Юнге М. Революционеры на пенсии. Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1921–1935. М.: АИРО-XXI, 2015. 636 с.

Ярославский Е.М. К вопросу об изучении истории партии // Пролетарская революция. 1930. № 2–3. С. 31–55.

Barber J. Soviet historians in crisis, 1928-1932. London, Macmillan Press in association with Centre for Russian and East European Studies, University of Birmingham, 1981, 194 p.

References

Anishev A.I. *Ocherki istorii Grazhdanskoy voyny. 1917-1920 gg.* [Essays on the history of the Civil War]. 1917-1920. Leningrad, VPAT, 1925, 288 p. (In Russ.)

Barinov D.A. *Alter Isaak Markovich*. Biografika SPbGU. [Biography of St. Petersburg State University]. URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/3401-alterisaak-markovic.html> (access date: 04.29.2021). (In Russ.)

Belenkin B.I. *Repressirovannyye trotskisty – organizovannaya politicheskaya gruppa levogo soprotivleniya stalinskomu rezhimu (1927–1938)* [Repressed Trotskyists - an organized political group of leftist resistance to the Stalinist regime (1927-1938)]. *Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR* [Problems of the history of mass political repressions in the USSR: materials of the VI International scientific conference]. Krasnodar, 2010, pp. 352–367. (In Russ.)

Gorbachev G.E. *1917-1925 gg. Sbornik materialov dlya agitatorov* [1917-1925 Collection of materials for agitators]. Leningrad, Priboy, 1925, 180 p. (In Russ.)

Gorbachev G.E. *Dva goda literaturnoy revolyutsii* [Two years of the literary revolution]. Leningrad, Priboy Publ., 1926, 200 p. (In Russ.)

Grigorov G.I. *Povoroty sud'by i proizvol : vospominaniya, 1905-1927 gody* [Twists of Fate and Arbitrariness: Memories, 1905-1927]. Moscow, OGI Publ., 2005, 526 p. (In Russ.)

Deutscher I. *Trotsky. Bezoruzhnyy prorok. 1921-1929* [Trotsky. An unarmed prophet. 1921-1929]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2006, 493 p. (In Russ.)

Zeidel G.S., Tsvibak M.M. *Klassovyy vrag na istoricheskom fronte* [The class enemy on the historical front]. Leningrad, OGI Publ., 1931, 232 p. (In Russ.)

Zinoviev G.E. *Bol'shevizm ili trotskizm?* [Bolshevism or Trotskyism?] *Ob «Urokakh Oktyabrya»* [About the “Lessons of October”]. Leningrad, 1926, pp. 96–141. (In Russ.)

Zinoviev G.E. *Leninism* [Leninism]. Leningrad, Gosizd Publ., 1925, 400 p. (In Russ.)

Kamegulov A.D. *Trotskizm v literaturovedenii* [Trotskyism in literary criticism]. Moscow, GIKHL Publ., 1932, 79 p. (In Russ.)

Lenin V.I. *Vystupleniye na zasedanii Peterburgskogo komiteta RSDRP(b). 1 (14) noyabrya 1917 g.* [Speech at a meeting of the St. Petersburg Committee of the RSDLP (b). 1 (14) November 1917]. Lenin V.I. *Neizvestnyye dokumenty. 1891–1922*. [Unknown documents. 1891-1922]. Moscow, 2017, pp. 215–216. (In Russ.)

Minin S.K. *Gorod-boyets. Shest' diktatur 1917 goda* [Fighter city. Six dictatorships of 1917]. Leningrad, Priboy Publ., 1925, 248 p. (In Russ.)

Nikulenkov E.V. *Podgotovka ekonomistov-marksistov v institute krasnoy professury v 1920-ye gody* [Training of Marxist economists at the Institute of Red Professors in the 1920s]. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ryazan State University], 2018, iss. 4, pp. 47–55. (In Russ.)

Rogovin V.Z. *«Trotskizm»: vzglyad cherez gody* [“Trotskyism”: a look through the years]. Moscow, Terra, 1992, 399 p. (In Russ.)

Serge V. *Ot revolyutsii k totalitarizmu: vospominaniya revolyutsionera* [From revolution to totalitarianism: memoirs of a revolutionary]. Moscow, Praxis Publ., 2001, 686 p. (In Russ.)

Slutskiy A.G. *Bol'sheviki o germanskoj sotsial-demokratii v period yeye predvoyennogo krizisa* [The Bolsheviks on German Social Democracy in the Period of its Pre-War Crisis]. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian Revolution], 1930, no. 6. (In Russ.)

Stalin I.V. *O nekotorykh voprosakh istorii bol'shevizma: Pis'mo v redaktsiyu zhurnala «Proletarskaya Revolyutsiya»* [On some questions of the history of Bolshevism: Letter to the editor of the journal “Proletarian Revolution”]. Stalin I.V. *Compositions*. Moscow, 1951, vol. 13, pp. 84–102. (In Russ.)

Stalin I.V. *Otvety Olegkhovichu i Aristovu: Po povodu pis'ma v redaktsiyu zhurnala «Proletarskaya Revolyutsiya»* [Reply to Olekhovich and Aristov: Regarding the letter to the editorial board of the journal “Proletarian Revolution”]. Stalin I.V. *Compositions*. Moscow, 1951, vol. 13, pp. 126–132.

Stalin I.V. *Skhema stat'i-otveta na knigu «Istoriya VKP(b)»* [Scheme of the article-answer to the book “History of the CPSU (b)”], ed. by Yaroslavsky. Stalin I.V. *Istoricheskaya ideologiya v SSSR v 1920-1950-ye gody* [Historical ideology in the USSR in the 1920s-1950s]. St. Petersburg, St. Petersburg-Science, pp. 139–140. (In Russ.)

Stefanenko A.Yu. *Vnutripartiynaya bor'ba v Leningradskoy organizatsii VKP(b) (1926–1928 gg.): struktura i praktiki deyatel'nosti oppozitsionnykh grupp* [Internal party struggle in the Leningrad organization of the CPSU (b) (1926–1928): the structure and practices of opposition groups]. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal* [St. Petersburg historical journal], 2020, no. 4, pp. 21–35. (In Russ.)

Trotsky L.D. *Pis'mo Palatnikovu. 30 avgusta 1928* [Letter to Palatnikov. August 30, 1928]. Trotsky L.D. *Pis'ma iz ssylki* [Letters from the banishment]. Moscow, 1995, pp. 139–140. (In Russ.)

Trotsky L.D. *Stalinskaya shkola fal'sifikatsiy* [The Stalin school of the falsification]. Moscow, Nauka Publ., 1990, 331 p. (In Russ.)

Felshtinsky Yu.V., Chernyavsky G.I. *Lev Trotskiy. Kniga tret'ya. Oppozitsioner. 1923-1929* [Leon Trotsky. Book three. Oppositionist. 1923-1929]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2013, 451 p. (In Russ.)

Kharechko T.I. *1905 god v Donbasse* [1905 in the Donbass]. Leningrad, Priboy, 1926, 143 p. (In Russ.)

Kharechko T.I. *Bor'ba za Oktyabr' v Donbasse* [Struggle for October in Donbass]. *Letopis' revolyutsii* [Chronicle of the revolution], 1927, № 5–6. (In Russ.)

Kharechko T.I. *Iz istorii RSDRP v Donbasse* [From the history of the RSDLP in Donbass]. *Letopis' revolyutsii* [Chronicle of the revolution], 1927a, № 1–3. (In Russ.)

Junge M. *Revolutsionery na pensii. Vsesoyuznoye obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev, 1921-1935* [Retired Revolutionaries. All-Union Society of Political Prisoners and Exiled Settlers, 1921-1935]. Moscow, AIRO-XXI, 2015, 636 p. (In Russ.)

Yaroslavsky E.M. *K voprosu ob izuchenii istorii partii* [On the question of studying the history of the party].

Proletarskaya revolyutsiya [Proletarian revolution]. 1930, № 2–3, pp. 31–55. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.04.2021; одобрена после рецензирования 29.06.2021; принята к публикации 18.08.2021.

The article was submitted 23.04.2021; approved after reviewing 29.06.2021; accepted for publication 18.08.2021.